

М. А. АРЗУМАНОВА

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКОЙ РЕЦЕНЗИИ НА «ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» ИЗ БУМАГ А. С. ШИШКОВА

Особый интерес среди критических выступлений, связанных с именем Карамзина, представляет рецензия, опубликованная в 1804 г. в английском журнале «Эдинбургское обозрение» и посвященная детальному разбору «Писем русского путешественника».¹ Эта статья была хорошо известна современникам Карамзина. Именно об этом выступлении зарубежной критики против Карамзина упоминается в письме Евгения Болховитинова графу Д. Хвостову: «Недавно в Едимбургском английском журнале нагло освистан наш Карамзин за свои путешественные письма, а с ним вместе там брошено несколько презрительных взглядов и на всю русскую словесность».²

Ссылку на эту же рецензию (правда, без указания года и номера журнала) мы встречаем в 1805 г. в «Северном вестнике», в статье Я. А. Галинковского «Критика», автор которой возмущался тем, что в России мало появляется хороших рецензий, масса книг остается не рассмотренными. В качестве примера книг, нуждающихся в рассмотрении, автор «Критики» назвал «Письма русского путешественника», «Наталью, боярскую дочь»,

¹ The Edinburgh Review or Critical Journal. Edinburgh, 1804, v. III, № 6. London, 1810, pp. 321—328. — Об этой рецензии упоминает А. Кросс в статье «Karamzin and England» (см.: The Slavonic and East European Review, v. XLIII, № 100, December, 1964, p. 112). Несколькими месяцами ранее, в июле 1964 г., писала об этой рецензии я (см.: М. А. Арзуманова. Русский сентиментализм в литературно-общественной борьбе 90-х годов XVIII века. Автореф. канд. дисс., Л., 1964, стр. 16). — Указание на автора рецензии см. в статье Т. А. Быковой на стр. 335 настоящего сборника. (Прим. ред.).

² Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук, т. 5, вып. 1. СПб., 1868, стр. 130—131.

«Аглаю», которые, по его словам, «критикуют от Шотландии до Парижа», при этом критик сослался на «The Edinburgh Review» и «Journal de la littérature étrangère».³ Перевод статьи английского критика обнаружен и в бумагах А. С. Шишкова.⁴

В описи фонда А. С. Шишкова, произведенной главным библиотекарем Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Р. Б. Заборовкой, эта рецензия значится как разбор «Писем русского путешественника», сделанный А. С. Шишковым. Однако знакомство с рукописью показывает, что это не «разбор» «Писем русского путешественника», сделанный А. С. Шишковым, а перевод английской рецензии, принадлежащий Михайле Щулепникову.⁵ Надо сказать, что перевод М. С. Щулепникова не всегда точен. Вместо слова *революция* (revolution) он пишет *рушение царств*, вместо *портрет Орлеанской девицы* («Maid of Orleans») — *портрет Орлеанской девки*, и т. п. К тому же почти во всех местах, где английский рецензент цитировал или пересказывал содержание «Писем русского путешественника», М. С. Щулепников заменяет эти отрывки подлинным текстом «Писем русского путешественника», чего ни в коем случае делать не следовало, так как из-за этого пропадает все своеобразие английской рецензии, где обращение с карамзинским текстом весьма вольное. Так, к примеру, в английской рецензии мы читаем, что Карамзин, по-видимому, никем не восхищался больше, чем немецким писателем Вейсе: «Это маленький человечек около 60 лет, добрая душа которого видна во всякой черте его лица. В своем саду он ходит в красной ночной рубашке и белой шляпе, но когда он возвращается

³ «Северный вестник», 1805, № 6, стр. 292—293. — Об этом критическом выступлении Я. А. Галинковского см.: Ю. М. Лотман. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. В кн.: XVIII век, сб. 4. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 235—239.

⁴ Отдел рукописей ГПБ (Ленинград), ф. 862, д. 3, «Разные записки», 1805—1822, лл. 16 об.—39.

⁵ См. запись на л. 39 рукописи (ф. 862, д. 3): «перевел с английского Михайло Щулепников». — Михайло Щулепников — это, очевидно, Михаил Сергеевич Щулепников (1778—1842), поэт и переводчик, сотрудник «Беседы», активно печатавшийся в журналах «Новости русской литературы», «Отечественные записки» под псевдонимом Усолец. Друг И. А. Крылова, хороший знакомый А. С. Шишкова, он часто бывал у него в доме (см. о нем: К. К а с ь я н о в. Наши чудоеи. СПб., 1875, стр. 44; С. П. Ж и х а р е в. Записки современника. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 348, 349, 351, 360, 435, 438, 743, 744; В. А. Д е с н и ц к и й. Из истории литературных обществ начала XIX века. Журналы «Беседы любителей русского слова». В кн.: На литературные темы, кн. 2. Госиздат, Л., 1936, стр. 202—220.

в дом, то одевает напудренный парик с кошельком, оставаясь в ночной рубашке».

Сравним у Карамзина: «Я вошел в горницу и видел в окно, как любезный Вейсе, маленький человечек в красном халате и в белой шляпе, скорыми шагами шел к дому по аллее, узнав от служанки, что какой-то москвитянин его дожидается. Он вошел в горницу в том же красном халате, но только уже не в белой шляпе, а в напудренном парике с кошельком... Ему уже слишком шестьдесят лет; но по румяному и свежему лицу его не подумал бы я, чтобы ему было и пятьдесят — и во всякой черте лица его видна добрая душа...». Как видим, английский переводчик «Писем» неверно перевел немецкое слово *Schlafrock* (домашний халат) как *ночная рубашка* (*night-gown*), причем женская, заставив тем самым почтенного поэта Вейсе разгуливать по саду в женской ночной рубашке.⁶

Сравним перевод Щулепникова, исходящий из карамзинского текста, а не из того, что в действительности было напечатано в английском журнале: «Это маленький человечек, ему уже слишком шестьдесят лет, и во всякой черте лица его видна добрая душа. В саду ходил он в красном халате и в белой шляпе; а в горницу вошел в том же красном халате, но только уже в напудренном парике с кошельком».

Что касается примечаний к переводу английской рецензии на «Письма русского путешественника», принадлежность их М. С. Щулепникову никак не обозначена. Возможно, что они действительно принадлежат А. С. Шишкову, тем более что по своему содержанию они вполне соответствуют его позиции сборника «старого слога», не только разделяющего невысокое мнение английского рецензента о произведении Карамзина, но и дополняющего его собственными критическими замечаниями о «жеманном» стиле, о «чужезычных словах», встречающихся в «Письмах русского путешественника».

Однако кто бы ни был автор примечаний — сам А. С. Шишков или сотрудник «Беседы» М. С. Щулепников, написавший их в духе Шихова, — они представляют интерес как один из фактов общественно-литературной жизни того времени, как факт литературной критики. При этом характерно, что, несмотря на свое в целом отрицательное отношение к Карамзину как автору «нового слога», создавшего «маловажную книжку», даже автор примечаний не может не отметить, что рецензия «вместо основательного и здравого рассуждения» о книге полна несправедли-

⁶ См.: *Travels from Moscow through Prussia, Germany, Switzerland, France and England*, v. I, London. 1803, p. 161.

вых «насмешек», «ядовитой и колкой брани» не только по адресу Карамзина, но и всей русской литературы в целом.

И действительно, знакомство с текстом рецензии показывает, что она носит явно выраженный памфлетный характер.

Чем это было вызвано?

Во-первых, это могло объясняться тем, что фактически с подлинным текстом «Писем русского путешественника» английский критик знаком не был. Дело в том, что в его руках было вышедшее в Лондоне в 1803 г. издание «Писем», переведенных не с русского, а с немецкого языка. А в немецком издании «Писем русского путешественника», опубликованном И. Рихтером в 1799—1802 гг., текст далеко не тождествен русскому тексту: многое здесь опущено,⁷ почти отсутствуют многие примечания фактического порядка,⁸ полностью выпали даже некоторые письма.⁹ В свою очередь английский перевод с немецкого перевода «Писем» также не точен и не полон. Английский переводчик зачастую просто опускал целые страницы карамзинского текста.¹⁰ Таким образом, английские читатели и критики судили о произведении Карамзина лишь по искаженному и неполному переводу.

Во-вторых, причиной столь резко отрицательного отзыва о «Письмах русского путешественника» могло быть то, что именно здесь, в Англии, впервые было напечатано «Чувствительное путешествие» Стерна, явившееся родоначальником многочисленных сентиментальных путешествий. И к 1804 г. (время написания рецензии) такого рода литература была давно пройденным этапом.

В-третьих, в своей оценке «Писем русского путешественника» английский рецензент шел от заключительных слов Карамзина, назвавшего собственное произведение «зеркалом

⁷ Так, например, отсутствует описание встречи Карамзина с бедным итальянским музыкантом, рассказывающим ему свою историю: «Я в бедности на свет родился...» и т. д. — Ср. «Письма русского путешественника» (ч. III, М., 1798, стр. 104—106) и «Briefe eines reisenden Rusten von Karamsin» (Т. III, Leipzig, 1800, S. 68).

⁸ См., например, примечания о докторе Фаусте («Письма», ч. 1797, стр. 62—64), о Неккере (ч. II, стр. 286—288), о Руссо и его «Confessions» (ч. III, стр. 215—220), отсутствующие в немецком переводе.

⁹ Например, письмо из Парижа от июня.. 1790 г., начинающееся словами: «Вчера целых пять часов провел я у госпожи Н...» («Письма» ч. VI, 1801, стр. 5—18).

¹⁰ Так, например, опущен весь рассказ Карамзина о замысле своего романа. — Ср.: «Письма русского путешественника» (ч. I, 1797, стр. 39—41), «Briefe eines reisenden Rusten...» (Т. I, 1799, SS. 28—30) и «Travels from Moscow...» (Т. I, London, 1803, pp. 19—20).

души», в котором лишь отразились «китайские тени» его «воображения».¹¹ В 1800-е годы это звучало для английских читателей анахронизмом, и рецензент доказывал неизбежность пустоты, отсутствия художественной ценности в произведении, автор которого исходил только от собственного «я», закрывая глаза на объективную действительность.

Естественно, что в подтверждение своей точки зрения на книгу Карамзина английский критик многое опускает, подлинный текст заменяет приближенным пересказом, неточно цитирует, делает неверные ссылки и т. п., ибо в действительности содержание «Писем русского путешественника» меньше всего ограничивалось кругом чувств и переживаний их автора. На страницах «Писем» перед читателем раскрывался целый мир, по-новому увиденный глазами молодого путешественника. «Письма» полны конкретных сведений о быте, культуре, науке, литературе, театре, экономической и политической жизни тех стран, по которым проезжает путешественник.

Рецензент для иллюстрации своих положений отбирает те примеры, которые никак нельзя считать наиболее главными и характерными для «Писем русского путешественника», но повод для тенденциозного подхода Карамзин сам дал своим критикам.¹² Дело в том, что они несомненно ждали обстоятельного рассказа о французской революции от человека, который был там в самый разгар революционных событий. Но Карамзин, как известно, ограничился лишь сообщением о том, что когда он приехал во Францию, там происходила революция. Не являлась ли в таком случае эта рецензия выражением возмущения критика тем, что Карамзин, уделяя порой внимание «обыкновенным вещам и пустякам», ничего не написал о «самых важных событиях», о «великих зрелищах, интересных для всего остального человечества»? Если это так, то становится понятным характер подбора цитат, подтверждающих это возмущение.

Но следует заметить, что Карамзин еще за несколько лет до появления английской рецензии сам отлично понимал, что его могут упрекнуть в излишней склонности к подробностям частной жизни. Не случайно в предисловии к отдельному изда-

¹¹ Письма русского путешественника, ч. VI, М., 1801, стр. 389.

¹² Однако заметим, что в том же 1804 г. в другом английском журнале («The Monthly Review», в. XLIV, London, 1804, pp. 262—272) появилась более объективная и благожелательная рецензия на «Письма русского путешественника». Подробнее о ней см.: A. G. Cross. Karamzin and England, pp. 112—113.

нию «Писем русского путешественника» (1797) он считал нужным, ссылаясь на литературную традицию, оправдаться в этом перед своими читателями. Более того, именно поэтому в статье о русской литературе, напечатанной в гамбургском журнале «Le Spectateur du Nord...» он сообщил, что «Письма русского путешественника» должны были быть вовсе не «зеркалом души», а зеркалом действительности, что интереснее всего для молодого путешественника было не его «собственное я» (как потом скажет Карамзин), а «достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы, напоминающие ему некоторые исторические факты, некоторые знаменитые события, следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря».¹³

Но самым интересным из всех предметов и событий является для него революция во Франции: «Французская революция — одно из таких явлений, каковые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел ее. Прочтите одно замечание в „Эмиле“, и книга выпадет у вас из рук. Я слышу много декламаций за и против, — но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди хотят уже рассматривать революцию как завершенную! Нет! Нет! Мы еще увидим множество поразительных явлений. Крайнее возбуждение умов предвещает это».¹⁴

Центральное место в «Письмах русского путешественника» должен был занять рассказ о французской революции, об этом «великом событии», которое Карамзин видел собственными глазами, рассказ, который он так и не смог написать.

Анализируя «Письма русского путешественника», лишенные наиболее важного и интересного раздела, английский рецензент не вскрыл, да и исторически не мог вскрыть и понять причин писательской драмы Карамзина (невозможность писать то, что хочешь), так как он фактически не знал условий, в которых Карамзин создавал свое произведение, не знал его судьбы, его истории.

Ниже приводим полностью текст рецензии вместе с примечаниями к ней, обнаруженный в бумагах А. С. Шишкова.

¹³ Le Spectateur du Nord journal politique, littéraire et moral. Hambourg, 1797, t. V, octobre, p. 59.

¹⁴ Там же, стр. 65.

ПЕРЕВОД ИЗ АНГЛИЙСКОЙ КНИГИ, НАЗЫВАЕМОЙ:
THE EDINBOURGH REVIEW, OR CRITICAL JOURNAL (N VI)
WEDNESDAY, 25 JANUARY 1804, ART V, PAGE 321

Путешествие из Москвы по Пруссии, Германии, Швейцарии, Франции и Англии Николая Карамзина. Второе издание. Перевод с немецкого. 3 тома в 8. 841 стран. Сидней. Лондон. 1803

Книга, содержащая в себе путешествие московского уроженца, возбуждает такое же любопытство, как и всякое необыкновенное явление, например лошадь в Венеции или в Шотландии дерево. Таковое сочинение не может быть судимо с тою строгостию, какую обыкли мы оказывать к произведениям земель более плодovitых.

Мы уже и тем должны быть довольны, естли нам хотя кое-где попадется некоторое малое подобие с теми красотами, каковыми другие книги в неограниченном числе и степени изобилуют. Мы бы даже и на то без роптания согласились, что б принять оное по самой низкой пробе, естли б оно под какую-нибудь пробу подходить могло. Переписка господина Николая Карамзина требует всевозможного снисхождения. Признаться должно, что она от путешественников, за которыми мы привыкли последовать, кажется нам столь далеко отстоящею и, при совершенном недостатке хороших качеств их, всеми погрешностями оных так много наполненною, что одна только редкость русского сочинения и забавная писателевой головы странность могли побудить нас к помещению сего сочинения в число рассматриваемых нами книг.¹

¹ Господин Англичанин, приступая к рассматриванию русской книги, переведенной сперва на немецкий, а потом уже с оного на английский язык, вместо основательного и здравого рассуждения начинает шутками, по мнению его весьма остроумными, но в самом деле исполненными только ядовитою и колкою бранью. Посмотрим, так ли насмешки его умны и забавны, как они ему кажутся. Во-первых, он говорит о том, чего сам не знает: русской язык вовсе ему неизвестен, а он судит о произведениях его и называет их *менее других земель плодovitыми!* Он заключает сие потому, что на английском языке мало с русского языка переводов; но это показывает только, что единомышленцы его, равно как и все другие иностранцы, не стараются обучаться по-русски, для того что, живучи в России, удобно обходятся без русского языка. Естли бы мы меньше их языками говорили и вообще меньше у них перенимали, тогда бы они больше по-нашему говорить и у нас перенимать стали. Заключение его могло бы иметь некоторой вид вероятности, когда бы он знал русской язык или, по крайней мере, судя о словесности нашей по многим переводам, не находил бы в них ничего путного. Но, не читавши никаких произведений наших, ни в подлиннике, ни в переводах, называть их *менее других земель плодovitыми* есть то же, что сравнивать две такие вещи, из которых об одной не имеет он ни малейшего понятия. Естли бы мы столь же мало знали по-англински, как англичане знают по-русски, и вдруг бы кто-нибудь из нас, прочитав переведенную с английского языка маловажную книжку, заключил из того о бесплодии английских в словесности произведений и стал бы говорить о них с грубыми насмешками, что они такое *необыкновенное явление, как лошадь в Венеции или в Шотландии дерево*; естли бы, говоря,

Господин Карамзин есть один из числа тех нежных путешественников, которые называются у нас тонкочувственными или *сентиментальными*. Они объезжают обширные страны единственно для изливания своих чувствований, которые с таковою же разнообразностию могли бы они изливать, сидя в четырех углах своей комнаты. Они имеют способность с необыкновенным восторгом смотреть на самые обыкновенные случаи и, упражняя ум свой пустыми мечтаниями, в одной только их голове располагаться могущими, наполняют воображение свое всеми попадающими им мелочами, между тем как важнейшими происшествиями всячески пренебрегают и закрывают глаза свои от великих зрелищ, всех прочих людей внимание на себя привлекающих. Первое правило таковых тонкочувственных путешественников есть, чтобы все относить к самому себе и особу свою почитать толь важною, что к ней одной мысли всех устремляются. В обыкновенных человеческих глазах внешние предметы уменьшаются по мере расстояния, но у сего рода людей круг ясного зрения так тесен, что они только то видят, что у них под самым носом, и это уже кажется им в преогромном и великолепном виде. Таковые люди, проезжая по тем местам, где война и рушение царств, описывают, какие они имели комнаты и стол в трактирах, в каком леску или долине предавались своей чувствительности и с каким *симпатизирующим*² умом наслаждались роскошью приятных слез.

Когда же они кроме вздохов и улыбок своих начнут о чем думать, то, смотря по силе сих первых впечатлений своих, как о людях, так и о вещах судят самым смешным и чудным образом. По правилам сомневаются в заключении рассудка и спрашивают у необманчивых чувств своих: можно ли на доводы оного полагаться? Боготворят Жан-Жака и ходят с душевным умилением по тем дорожкам, по которым он хаживал. Но с Лафатером они еще больше *гармонизируют*. Они желали бы целые дни при нем плакать и неразумно пребывать с мощами его *интернейшего* из энтузиастов. Сии путешественники редко довольствуются тем, чтобы писать обыкновенным образом; нет, им надобно, чтоб целый свет разделял с ними их чувство-

кто из нас написал сие, какой англичанин не счел бы его круглым невеждою? Во-вторых, позволяется судить книгу и находить в ней недостатки или погрешности, но не требовать от сочинителя, для чего написал он то, что ему, а не то, что мне хотелось.

Господин Англинский рассматриватель, привязавшись к слову *путешествие*, с важностью говорит: *сочинитель оного весьма далек от тех путешественников, за которыми мы привыкли последовать*. Что значит сей упрек? С какими путешественниками сравнивает он его? Вольно господину Англичанину в простых приятельских письмах, в которых сочинитель рассказывает, как умест, всякие повстречавшиеся с ним приключения, искать дельности Палласова, Кукова, Лепехина, Крашенинникова путешествия! Он мог его сличать со своими Стернами и выводит, что из них превосходнее; но весьма непростительно думать, что прочтенная мною в переводе с какого-нибудь языка сказочка есть достаточное доказательство, что на том языке нет никаких важных сочинений.

² Мы для того ставим здесь сии чужезычные слова, чтобы соблюсти точность в переводе; ибо кажется Англинский рассматриватель нарочно старался выставить оные, делая их замечательными через напечатание ко-сыми буквами. По-видимому, переводчики на немецкий и английский языки вносили их без всякой перемены из русского подлинника в свои переводы (в действительности в английской рецензии стоит вовсе не это слово, а «*congenial spirits with*», т. е. близкий по духу ум, или близкие души, и эти слова в английской рецензии вовсе не выделены, — М. А.).

вания, и для того составляют они претолстые книги писем, в которых, между множеством пустых вещей, приятелям их только и нужно знать, здоров ли был сочинитель во время своего путешествия. Впрочем, чтоб последовать похвальному примеру вносить в письма свои всякие пустоши, стоит только взглянуть на сказки, соплетаемые людьми, в сем ремесле упражняющимися: в них множество чудных происшествий, смешанное с обыкновенными приключениями, делает их похожими на подлинное повествование человеческой жизни. Там целые главы наполняются случившимися или могущими случиться мелочами, которые через соединение их с другими удивительными случаями составляют роман и придают всему вид вероятности. Как писателям рода свойственно быть откровенными, то и господин Карамзин в предисловии своем говорит нам чистосердечно, что естли в Ричардсоновых сочинениях читаем мы без скуки, что Грандисон пил чай с мисс Бирон, то и его читателям не меньше может быть приятно узнавать о таковых же бездельных подробностях его путешествия.

Господин Карамзин поехал из Москвы, своей родины, где оставил он все, что сердцу его было драгоценно,³ с тем намерением, чтоб в самых покойных повозках в полтора года объехать приятнейшие и безопаснейшие части Европы. Вследствие сего первое письмо его к друзьям своим наполнено описанием острой печали, какую чувствовал он при начале столь ужасного предприятия и столь долгой разлуки. Потом обращается к *собственному сердцу своему* и долго с ним беседует. Наконец, заключает тем, что советует друзьям своим утешать себя, буде возможно, во время его отсутствия. Слезливость его продолжается почти без всяких перемежек до самого прибытия его в Ригу; в некоторых же местах жалкого пути сего, а особливо в Нарве, все горести в душе его сперлися, и казалось, что он погружен был в бездну человеческих несчастий. «Бог знает, — говорит он, — каково мне было в эту минуту! все приятные мысли о путешествии затмилась в душе моей. О естли бы мне тогда можно было перенестись к вам, друзья мои! внутренно проклинал я то беспокойное чувство сердца, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые перестают быть для нас новыми, — которое настроивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестном будущем. Есть всему предел: волна, ударившись о берег, назад возвращается или, поднявшись высоко, опять вниз упадает, — и в самой тот миг, как сердце мое стало полно» и проч.⁴

И поистине, все сие не без причины: у кибитки его переломилась ось, и он приехал весь мокрой. Нельзя себе представить, сколь далеко простерлось бы его несчастье, естли бы хорошо одетый мальчик с *милою сердечною улыбкою* не позвал его к себе в дом, где хозяин, пожилой человек, у которого добродушие на лице было написано, с *видом искреннего участия* расспрашивал его о его путешествии, между тем как хозяйка *подавала ему кофий с хорошим хлебом.*⁵ Не нужно уже сказывать, что приключение сие

³ Здесь перевод неточен. В русском подлиннике сказано: *все, что вошло в состав нравственного бытия моего.* Мы не оправдываем сих жеманных выражений, но хотим показать, где переводчик, с умыслу или без умысла, отступил от подлинника.

⁴ Где перевод верен, там ставим мы точные слова подлинника; а где в выражениях есть некоторая отмена, там переводим мы с английского и замечаем сию разность.

⁵ В русском подлиннике сказано: *В то время как хозяйка разливала чай и кофе.* Немцу или Англичанину, как видно, при кофе нельзя было обойтись без хлеба.

подало повод к преисполненной жаром похвале услужливости и гостеприимству.

Проезжая по Курляндии, господин Карамзин ест везде с добрым харчем и рассказывает нам, чего и по сколько.

Но у одной корчмы вечер был так приятен, речка так чиста и деревья так густы, что он отказался от ужина и пошел гулять по берегу. Солнце перед ним закатилось. Сие напоминает ему об одном московском вечере, в который с отменным удовольствием смотрел он на заходящее солнце. «Думал ли я тогда, — восклицает он, — что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в курляндской корчме! Я⁶ вынул из кармана записную книжку, чернильницу и перо и написал то, что вы теперь читали». Около месяца спустя после разлуки с друзьями, сердце его стало повеселее, так что он шутя называет себя *рыцарем веселого образа*.

Один из обыкновенных подвигов нашего рыцаря есть посещать славных писателей. Его делает он без всяких околичностей — ему не надобно посредников: «Смелость, — говорит он, — города берет и отвергает двери философов». Во всех таковых случаях поступает он по сему правилу одинаким образом. Несчастный мудрец, с которым ему поговорить заблагорассудится, должен от него узнать, что он путешествует для свидания с учеными мужами. Некоторые из них принимали его учтиво, но другие, казалось, посещение его с холодностию отвергали. Виланд, особливо, отказал ему наотрез, не взирая на уверение его, что одно желание видеть творца Оберонова привлекло его в Веймар. Однако ж напоследок и над ним неотвязно докучливостью своею одержал он верх; и хотя стихотворец сей говорил ему, что он не любит пускать к себе незнакомых людей, опасаясь, чтоб кто из них не вздумал, как то в Германии вошло в обычай, издать бывшие между ими разговоры в свет; хотя сочинитель наш во успокоение его и отвечал, что он не немец и не может писать для немцев; однако ж, несмотря на то, выдает на немецком языке подробное описание о свидании своем с Виландом, включает точные слова разговоров его о разных вещах и даже уведомляет нас об особенных мнениях его и привычках.⁷ Таково есть поведение тех, которые голову свою так туго набивают чувствительностями, что не уже остается в ней места ни пристойности, ни благоразумию!

Ни один из писателей, к которым господин Карамзин по-своему без труда вламывался, кажется, не понравился ему столько, как лейпцигской Вейсе, великий писатель детских книг: «Его маленькой человек, ему уже слишком шестьдесят лет, и во всякой черте лица его видна добрая душа. В саду ходил он в красном халате и в белой шляпе; а в горницу вошел в том же красном халате, но только уже в напудренном парике с кошельком». Он потчевал путешественника нашего лимонадом. Во Франкфурте господин Карамзин заметил, что город сей «в ненастное время кажется пуст от того, что все сидят дома, кроме тех, кому надобно идти со двора; а в хорошую погоду он кажется очень многолюден от того, что, обрадовавшись солнцу, все, как муравьи, ползут из своих нор» (том I, стран. 205).⁸ После разных других, столь же остроумных и глубокомысленных замечаний, отвлекается он от осматривания города одним прельщающим его

⁶ Здесь пропущены слова: *лег на траве под деревом*.

⁷ Обвинение сие не совсем справедливо: сочинитель путешествия издал оное на русском языке; хотя и то правда, что написанное на одном языке легко может переведено быть на другой.

⁸ Сие показание томов и страниц относится к английскому переводу, а не к русскому подлиннику.

уединенным домиком с маленьким садом, где старое каштановое дерево призывает его под тень свою и, что еще более, два мальчика играют на траве. Сколько прелестей собралось в одном месте! Сего было уже слышном много для чувствительности мягкосердечного москвитянина, и, к приятному удивлению нашему, мы видим его поспешающего окончить сию трогательную картину описанием семейственного счастья и прощальными словами с домиком и деревом.

Из Германии путешественник наш спешит в Швейцарию, «в страну невинности, в землю благословенную, где жители служат одному богу,⁹ ведут жизнь, подобную приятному сну, и потому почти не чувствуют мучения смерти,¹⁰ где резвые мальчики и девочки играют на берегах шумящего Рейна, рвут цветы и бросают ими друг в друга, где спокойный поселянин насвистывает веселую песенку и киванием головы приветствует проезжего».¹¹ В таковом раю сердце господина Карамзина «утопает в чувствованиях»; он не может усидеть на месте посреди толикого множества превосходных, восхитительных предметов. «Какие места! Какие места!» — восклицает он; отъехав версты две от Базеля, выскакивает из кареты, падает на цветущий берег Рейна¹² и в восторге *целует землю*. Здесь в примечании своем присовокупляет он (чему читатели наши, конечно, не без труда поверить могут), что ему было тогда только 24 года! Иногда хотел он и самих жителей целовать, так же как и землю их, но получал по большей части неучтивые отказы от сих детей природы. На одном крестьянском сговоре он восхищался благополучием жениха и невесты¹³ и захотел оставить им нечто на память,¹⁴ даст невесте небольшую медную монету.¹⁵ Она с удивлением смотрит то на монету, то на него, то на жениха своего и не знает, что делать;¹⁶ путешественник же наш радуется *щастливою четою* и

⁹ По несчастью, речь сия находится точно в подлиннике. Неизвестно, что сочинитель сим сказати хотел. Кажется, и нигде в Европе нет таких народов, которые бы многим богам служили.

¹⁰ В подлиннике сказано: *вся жизнь ваша* (сочинитель говорит к жителям Швейцарии) *есть, конечно, мирное, приятное сновидение, и самая роковая стрела должна кротко влететь в грудь вашу*.

¹¹ В подлиннике сказано: *ласковым мановением желает проезжим доброго дня*.

¹² В подлиннике сказано: *зеленого Рейна*.

¹³ Здесь пропущено выражение: *у которых глаза были на слезе*. Не удивительно, что немецкий переводчик пропустил сие выражение. Он, конечно, сам не мог его понять, да естли б и хотел спросить у кого из русских, то трудно было найти такова, который бы ему растолковал оное. Мы говорим: *навернулись слезы на глазах*; но я думаю, никто не знает, что значит: *глаза были на слезе*. Догадываться можно, что оно составлено по подобно: *он на отъезде* и проч.

¹⁴ В подлиннике сказано: *оставить им какой-нибудь памятник*; но слово *памятник* соответствует иностранному слову *topisenti*, которое, кажется, слишком велико для *грошевика*.

¹⁵ В подлиннике сказано: *медаль, на которой изображена голова греческого юноши*.

¹⁶ Книжной судия англинский не пропускает никаких безделиц без оговаривания, но здесь пропустил хороший случай для своего насмешливого пера. Посему думать должно, что он не все то видел, чего искал. Он не примечает заключающейся в сем рассказе странности, между тем она весьма ощутительная. Какую радость в швейцарской девке может произвести медная монета или медаль, на которой изображена голова грече-

читает наизусть Галлеровы стихи. Любовь и благосклонность его к приманчивым швейцарцам не осталась без награждения; ибо хотя часто веселые мужички смеялись над ним, однако ж нередко бывали и ласковы. Таким образом в одной долине с чистым ручейком, хижинкою, лужком, травкою и прочим набором *сентиментального* положения молодой пастух, по просьбе господина Карамзина, подал ему напиток воды, говоря с улыбкою: «Пей, добрый человек, пей нашу воду». Не отвергнуто было толь удивительное действие природного добросердечия. «Я взял чашку, — говорит наш путешественник, — и естля бы не побоялся пролить воды, то, конечно, обнял бы добродушного пастуха с таким чувством, с каким обнимает брат брата. — Ах, милые друзья мои! для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!» Таково есть действие стакана швейцарской воды, что господин Карамзин отрицается от всех высоких наук своих и просвещения и хочет возвратиться в первобытное состояние человека!¹⁷ Сие же самое действие помогло ему и во взорах пастуха, когда он отходил, прочитав ясно, что оный от всего сердца желал ему всякого благополучия (том II, стр. 5, 6 и 7); но величайшим сей страны услажденем был Лафатер, которого самолюбием господин Карамзин удовлетворил тем, что обедал у него и купил рукописи, то есть печатные, но не обнародованные сочинения его, которых сей чертогадатель ни под каким видом не хотел обыкновенным образом выпускать в свет, а продавал всякому, кто пожелал их иметь.¹⁸ Он находит Лафатера не токмо превосходнейшим из мужей, но поистине великим человеком, потому что он не читает никогда таких сочинений, в которых его хвалят или хулят;¹⁹ и сердится на собратий наших, издателей *всеобщей немецкой библиотеки* (general german Review), за то, что не понимают определение Ла-

ского юноши? На что она ей? Что ж значит в ней сие удивление, с которым смотрит она *то на подарок, то на того, кто подарил, то на жениха своего и не знает, что делать?* Как разобрать сии ее чувства: насмешку ли они изъясляли или благодарность?

¹⁷ Как ни колко здесь насмешливое примечание Англинского рассматривателя, однако ж надлежит признаться, что оно весьма справедливо. Заметим притом, что подобные рассуждения отменно заразительны для слабых умов, которым в сочинениях нужно только согласие звуков, а не основание мыслей.

¹⁸ Напрасно господин Рассматриватель говорит о сем с некоторою издевкою. Причина, для которой, по письмам Карамзина, Лафатер сие делает, весьма похвальна: он собираемые за то деньги употребляет на помощь бедным.

¹⁹ Господин Рассматриватель увеличил сие обстоятельство и дал оному свой собственный оборот. Мысль русского путешественника не имеет той странности, в какую он ее одевает. Вот слова подлинника: «Пфенингер сказывал мне, что Лафатер давно уже поставил себе за правило не читать тех сочинений, в которых об нем пишут; и таким образом ни хвала, ни хула до него не доходит. Я считаю его знаком редкой душевной твердости; и человек, который, поступая сообразно со своей совестью, не смотрит на то, что думают о нем другие люди, есть для меня великий человек!». Сие последнее рассуждение не имеет в себе ничего странного; но сравнение сделано худо, а потому и заключение выходит ложное: человек, *поставивший себе за правило не читать ничего, что о нем пишут*, не может знать мнения о себе других; почему же он есть тот твердый человек, который *поступает сообразно совести своей, не смотря на то, что другие о нем думают?*

фатерова о цели бытия, то есть, что «постоянное, твердйшее и непременишее существование, или бытие, есть цель бытия». Все сие путешественнику нашему кажется не только справедливо, но даже просто и ясно. Он рассказывает нам еще, что сей истинно великий муж любит оханье и аханье и что ему полюбились два датчанина, из которых один бьет себя по лбу и топает ногами, а другой складывает руки крестом и смотрит на небо, когда Лафатер говорит о чем-нибудь с жаром (том II, стр. 27).

В толь приятном обществе наслаждаясь досыта всюю роскошью улыбок, поцелуев, слез и вздохов, увеселяясь и громом, и бурей, и прогулками по воде, и свадьбами, и похоронами, господин Карамзин отправляется во Францию. На дороге к границе заметил он на старых домах некоторые странные надписи. Одна из них похожа на *pop sequitur* и содержит в себе следующие слова: «На бога уповай ты мыслию своею, ибо сей дом называется черною свиньею». Сочинитель наш присовокупляет к тому некоторые рассуждения свои, которые немного лучше содержания надписи. В Фернее встретился господин Карамзин с двумя путешествующими молодыми англичанами. Мудрено было, естли бы в обществе, из таковых трех лиц состоящем, не произошло чего особливого. — Они пили очень хорошее французское вино за упокой и вечное блаженство души Волтеровой! (том II, стр. 101).

В Лионе господин Карамзин находит богатую для чувствительности своей пищу: видит пляску Вестриса, «у которого душа сидит в ногах».²⁰ Двое молодых французов делают ему множество вопросов, которые принимает он за французскую учтивость, и приходит от того «в некоторый род восхищения». Воспоминает, что он теперь на том самом месте, по которому бродил *Иорик*, ища гроба *Амандуса* и *Аманды*; и немало тому удивляется, что лионцы так много могут заниматься смятениями революции, что ничего не помышляют уже «о памятиках любви и нежности» (том II, стр. 206).

В доме сумасшедших господин Карамзин нашел одного больного, которой возбудил в нем род весьма естественного симпатического соболезнования: ²¹ «Один из сих несчастных, — пишет он, — сидел на галереи за маленьким столиком, на котором стояла чернильница. Бумагу и перо держал он в руке, в глубокой задумчивости облокотясь на столик. — Это философ, — сказал с усмешкою провожатый; — бумага и чернильница ему дороже хлеба. — А что он пишет? — Кто знает! какие-нибудь бредни; но начто лишать его безвредного удовольствия? — Правда, правда! — сказал я со вздохом» (том II, стр. 191).

В Париже путешественник наш (естли только это возможно) насыщается еще более. Там душа его в беспрестанном парении. Он странствует в Эрменонвиль и находит, что кто на Жан-Жаковом гробе видел заходящее солнце, тот все видел. «Я, — говорит он, — имел сию щастливую минуту в моей жизни (том III, стр. 184). В церкви св. Дионисия между прочими вещами превозносит он портрет *Орлеанской девки*, которая, — рассказывает он нам, — была героинею Волтеровой поэмы (том III, стр. 164). В улице Фернорери, где убит Генрих IV, не хотел он жить ни из чего на свете, и даже сердился на кучера, зачем повез он его по такой земле, которая не разверзлась и не поглотила гнусного Равальяка (том III, стр. 77).²²

²⁰ Англичанин справедливо насмехается над сим выражением; оно на всяком языке должно быть странно.

²¹ Подобные сему насмешки и колкие слова, относящиеся к лицу, не должны были бы примешиваться к суждению о книге.

²² Может быть, чувствования путешественника изображены здесь с некоторою излишностию по пословице: красно поле с рожью, а речь с ложью; но, впрочем, оные достойны похвалы, а не посмеяния.

В Булонском лесу одна нищая, убогая старуха доставила ему прекрасный для описания случай, и за дешевую весьма цену: ибо, заставя ее рассказать всю длинную о несчастиях ее повесть и сделав несколько душеумилятельных восклицаний, он пожал только у нее руку и ушел от ней (том III, стр. 31, 32 и 33). Следующее место содержит любопытное описание, естли только можно на повествование господина Карамзина полагаться.

«Здесь-то бедность, недостаток в средствах к пропитанию, доводит человека до удивительных хитростей, истощает²³ разум и воображение! Здесь многие люди, которые всякий день являются на гульбищах, в Пале-Ройяль, даже в спектаклях, причесанные волос к волосу, распудренные, с большим кошельком на спине, с длиною шпагою на бедре, в черном кафтане, не имеют копейки верного дохода; а живут, веселятся и, судя по наружному виду, беспечны, как птицы небесные. Средства? Они разнообразны, бесчисленны и нигде, кроме Парижа, неизвестны. Например, человек, изрядно одетый, который сидит в *Caffé de chartres* за чашкою баваруаза, говорит не умолкая, с видом благородным, приятным шутит, рассказывает забавные анекдоты, — знаете ли чем живет? Продажею афиш или всякого рода печатных объявлений, которыми здесь бывают облеплены стены. Ночью, когда город успокоится и люди по домам разберутся, он ходит собирать свой корм, из улицы в улицу сдирает со стен печатные листы, относит их к пирожникам, имеющим нужду в бумаге, получает за то несколько копеек, ливра два или целой эюю, ложится на соломенной тюфяк в каком-нибудь гренье (т. е. чердаке) и засыпает покойнее многих крезов. Другой человек, который также всякий день бывает в публике, то есть в Тюльери, Пале-Ройяль, и которого вы сочтете писарем, есть.. откупщик; но прошу отгадать, какой? у него на откупе — все булавки, теряемые дамами в итальянском спектакле. Когда занавес опускается и все зрители выходят из залы, он только что является в театр и, с дозволения директорского, между тем как гасят свечи, ходит из ложи в ложу подбирать булавки; ни одна не укроется от его мышьих глаз, где бы она ни лежала. В то же время как слуга хочет гасить последнюю свечу, наш откупщик хватает последнюю булавку; говорит: „Слава богу! Завтра я не умру с голоду!“ — и бежит со своим пакетом к лавошнику».

Нехудо, однако ж, читателей наших предостеречь, чтоб они не во всем верили сему путешественнику; по невежеству и воображению своему он беспрестанно ошибается. Лавуазьер, говорит он, многих здешних женщин так пристрастил к химии, что они чувствительность сердца химическими изъясняют правилами (том III, стр. 69). В Лондонском королевском обществе он видел то, что другие, думаем, редко замечали: «президент сказывал мнение свое о разных книгах, но с великою умеренностью и скромностию» (том III, стр. 243).

В Невгате он узнал, что колодники, осужденные на смерть, хотя лучше в своей земле быть повешены, нежели ехать с бесчестными людьми в ссылку (том III, стр. 232).

А на одном купецком судне он слышал, как пьяный штурман просил капитана, чтоб он велел его бросить в море, но не бил, потому что англичанину смерть легче побой (том III, стр. 322).

Господин Карамзин столько вкисил отрад и удовольствий, что по приезде своем в Англию, последнюю страну его путешествия, казалось бы, уже нечем более ему восхищаться; однако ж: «Англичане вообще не охот-

²³ Здесь истощает не есть прямое слово; оно поставлено вместо ищуряет: но значит совсем противное.

ники до салата и не любят никакой зелени. Роскбиф и бифстекс есть обыкновенная их пища, от того густеет в них кровь; от того делаются они *флегматиками, меланхоликами* и нередко самоубийцами» (том III, стр. 200). Парикмахеры их чрезвычайно скучны и грубы: «Увы! я уже не в Париже, — восклицает он, — где кисть искусного, веселого Ролета, подобно Зефиру, навела на мою голову белейший ароматный иней!» (том III, стр. 213).

Сверх того климат даже и над самим господином Карамзиным начинает действовать. Он сам себя находит умствующим; но сие, говорит он, извинительно и должно относится к действию воздуха, которым дышали Невтон, Локк и Гоббес (там же, стр. 215). Однако же к утешению себя в таковой беде, между прочим, встречает он прекрасных малюток: «все маленькие Эмили и Софьи!», — также слепого нищего с собакою, которая умела по чертам лица угадывать, и несколько песенщиков, подавших ему случай поплакать. Впрочем, господин Карамзин гораздо меньше других путешественников зависит от внешних обстоятельств; ибо он *щастлив*, когда после всех дневных трудов, ночью может опять взглянуть на свой «*милый чемодан*» (том III, стр. 218). Он возвращается в Россию Бальтийским морем и, приближаясь к берегам оною, предается безмерной радости.

Книга сия сочинена на немецком языке,²⁴ и нам не показалось, чтоб переводчик²⁵ украсил много сочинителя. Таким образом, нет обыкновения на восточной стороне канала св. Георгия «*заходящему солнцу поклоняться*» (том I, стр. 52).²⁶ Но мы опасаемся, что некоторых выражений, в той же книге, не можно отнести насчет переводчика. Например, *головная боль в сердце*,²⁷ на которую господин Карамзин так слезно жалуется (том II, стр. 116), и удивление его, что со времени революции *нищие и бродяги* (там же, стр. 209) не хотят работать.

Последнее замечание писателя сего кажется нам весьма справедливо: сказав, что письма его суть верное зеркало души, мыслей и мечтаний его, он спрашивает: «Есть ли что человеку любезнее, как заниматься самим собою? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих начертаниях; может быть, и другие...». Не спорю, но пусть будут его их утехи, а не мои. Буало говорит: *rien n'est beau que le urai, le urai sent est aimable.*

Перевел с англинского Михайло Шулеников.

²⁴ По-видимому, в немецком переводе не означено, что оный есть перевод с русского языка, или господин Англичанин не справился хорошенько.

²⁵ Здесь, конечно, разумеется об англинском переводчике.

²⁶ В англинском сказано: *to hail the Setting sun.* Я не мог отыскать, к какому месту подлинника сие относится.

²⁷ *the headach in his heart.* Неизвестно мне, так ли точно в подлиннике сказано.